

Библиотека
журнала
ЛОГОС

Виктор Мазин

Библиотека
журнала
ЛОГОС

Библиотека
журнала
ЛОГОС

Виктор Аронович Мазин

Машина влияния

Серия «Библиотека журнала «Логос»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40654505

Машина влияния/ Мазин В.: Издательство Института Гайдара;

Москва; 2018

ISBN 978-5-93255-516-3

Аннотация

Книга Виктора Мазина «Машина влияния» написана на стыке психоанализа, медиатеории и антропологии. Понятие машины влияния возникает в XVIII веке и воплощается в самом начале XIX века в описании Джеймса Тилли Мэтьюза – пациента лондонского Бедлама. Дискурсивная конструкция этой машины предписана политическими событиями, научными открытиями и первой промышленной революцией. Следующая машина влияния, которая детально исследуется в книге, описана берлинской пациенткой Виктора Тауска Наталией А. Представление об этой машине сформировалось во время второй промышленной революции начала XX века. Третья машина, условия формирования которой рассматриваются автором, характеризует начало XXI века. Она возникает на переходе от аналоговых технологий к цифровым, от производственного

капитализма к потребительскому, от дисциплинарного общества к обществу контроля.

Содержание

Часть I	6
1. Субъект собирается не без участия машины влияния	6
2. Субъект – машина письма, и системы записи его реорганизуют	18
3. Современность: машины и автоматы	21
4. Машина влияния устанавливает контроль	23
5. Две образцовые машины влияния	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виктор Мазин

Машина влияния

Эта книга писалась долгие годы и, возможно, она никогда так и не была бы завершена, если бы не приглашение поработать над ней в течение осенне-зимнего семестра 2016–2017 годов в *Международной коллегии исследования техники культуры и медиафилософии* при Веймарском университете Баухауз (IKKM Bauhaus-Universität Weimar). Моя благодарность той в высшей степени интеллектуальной и гостеприимной среде, которую создали Лоренц Энгель, Бернхард Зигерт и другие сотрудники института.

Часть I

От человека-машины к машине влияния

1. Субъект собирается не без участия машины влияния

В этой книге речь пойдет о двух весьма известных в истории машинах влияния: о самой первой, в деталях вообразенной и изображенной в начале XIX века в Бетлемской королевской больнице пациентом Джеймсом Тилли Мэтьюзом и опубликованной его врачом Джоном Хасламом, а также о самой знаменитой в истории психоанализа – шизофренической машине влияния Наталии А., описанной ее врачом, доктором Виктором Тауском, в начале XX века. Тауск, кстати, указывает на то, что машины влияния имеют свою историю. Точнее, можно говорить и о том, что машин влияния много, что они отличаются от случая к случаю, и о том, что машины эти претерпевают определенную эволюцию.

Нас, конечно же, интересуют далеко не только два этих эпизода из истории отношений человека и машины. Нам важно осмыслить в господствующем сегодня неопозити-

вистском, технонаучном-когнитивном дискурсе биологизации человеческого индивида работу третьей машины влияния. В отличие от двух первых, мы ее *не* конкретизируем. Мы не ищем эту машину в психиатрических больницах и на кушетках психоаналитиков, хотя могли бы заняться и этим. Скорее, нам хотелось бы описать *условия влияния* третьей машины. Во времена биологизации мы настаиваем на техносубъекте, то есть на том, что нет отдельно человеческого существа и окружающей его техники. Один пример по этой теме: человек и «этот же» человек в автомобиле – «не тот же» человек. Словами Феликса Гваттари, «индивидуация исчезает в процессе сервомеханической артикуляции с автомобилем»¹.

Понятие *τέχνη*, *технэ*, которым мы здесь активно пользуемся, говоря, в частности, о техносубъекте, следует понимать в расширенном смысле, в том, каким оно наделялось в Древней Греции, сочетая в себе *умение, знание, искусство*. Технэ – термин достаточно широкий: для Аристотеля это и архитектура, и врачебное искусство, и математика, и «обычные» искусства, такие как скульптура, музыка, поэзия. Для античной мысли мироздание было организовано как цельное, гармоничное и одушевленное тело космоса. Сократ, в частности, говорит о технэ исключительно в кон-

---

¹ Guattari F., Rolnik S. *Molecular revolution in Brazil*. LA: Semiotext(e), 2008. P. 44. Как-то мне довелось услышать по радио опрос на тему, почему вы так агрессивно ведете себя на дорогах. Самый распространенный ответ предполагал расщепление и проекцию: агрессивен не я, а моя машина.

тексте ἐπιότημη, эпистемы, причем не просто в смысле абстрактного знания, а знания технического, знания о том, *как нечто делать*. Технэ как искусство понималось зачастую как ремесло в отличие от творческого акта искусства (*пойэзис*). Или, иначе говоря, для древних греков поэтическое искусство, как правило, отличалось от искусства механического (например, медицины). Пока достаточно о древних греках, ведь, в конце концов, нас привлекает совсем другая история, а именно – Современность.

В частности, наш интерес лежит в поле той трансформации дискурса Современности, который начал активно формироваться и формулироваться в XVIII веке и который совершает свое очередное революционное преобразование сейчас, на сей раз в связи с цифровой революцией. Бредовые конструкции² Джеймса Тилли Мэтьюза в самом начале XIX века и Наталии А. в начале XX века обнажают те дискурсивные нити, которые плетут полотно Современности. Дискурс, всегда уже гетерогенный, сотканный из различных нитей, мы понимаем, с одной стороны, в лакановском ключе как социальные узы, укорененные в языке, а с другой – подчеркиваем их укорененность в технэ. Впрочем, социальные узы – всегда уже обладают техноизмерением.

Не удивительно, что обе машины были описаны пациен-

---

² Под бредом мы вслед за Фрейдом понимаем защитное образование, возникающее в ответ на некую неразрешимую проблему. Причем образование предельно логичное. Неудивительно, что в бред легче поверить, чем в какую-то недостаточно четко, на первый взгляд, сформулированную теорию.

тами психиатрических клиник. Здесь уместен, в общем-то, достаточно распространенный вопрос: а не может ли получиться так, что безумие – это вполне рациональный ответ психики субъекта на безумие мира? Разве перемены, неизбежно происходящие в мире Современности, не несут в себе *всегда уже* угрозу – по меньшей мере угрозу самой перемены?

В частности, переход к Современности ознаменован тем, что место мистических, демонических сил занимают силы столь же невидимые и непонятные, но научные: электричество, газы, магнитные поля. Если в XVII веке Кристоф Хайцманн и ему подобные могли утрату контроля над собой и миром свалить на дьявола³, то Просвещение XVIII века предоставило для переноса ответственности иные силы: лучи, волны, эманации запахов, магнетизм. Силы эти не просто принадлежат научному дискурсу, но, как показывает случай Джеймса Тилли Мэтьюза, являют собой переход от одной парадигмы к другой. Вот только силы эти служат не дьяволу, но истязателям, обслуживающим политические круги, демонов от политики. Ад возвращается на землю.

Уместно будет напомнить, что случай Даниэля Пауля Шребера, который относится к концу XIX – началу XX века, можно сказать, идеально сочетает два дискурса – научный и оккультный. Само понятие «божественных лучей»

---

³ Фрейд З. Один случай невроза в форме одержимости дьяволом в семнадцатом веке // Фрейд З. Одержимость дьяволом. Паранойя. СПб.: ВЕИП, 2006. С. 25–69.

для него, для этого Князя Тьмы, как называют его голоса, сводит мистико-теологические рассуждения с научно-техническими. Пожалуй, нет случая более показательного с точки зрения сплетения дискурсивных нитей, по крайней мере в истории психоанализа, чем случай Даниэля Пауля Шребера, дискурс которого высказывает состояние неврологии, психиатрии, теологии, политики, юриспруденции – знания (ἐπιστήμη) как τέχνη своего времени⁴. В случае Шребера можно говорить и о машине воздействия ортопедическими экспериментами его прославленного отца, и о медиамашине основного языка (*Grundsprache*), но в первую очередь – о машине влияния Бога, действующего своими лучами на его нервную систему, о машинерии, меняющей его пол.

Машина влияния Джеймса Тилли Мэтьюза очевидно возникает в результате сплетения новых политических и научных обстоятельств, в результате смены, или даже точнее – слома парадигмы. Он – субъект трех революций: политической, научной и промышленной.

Иногда говорят, что понятие «машина влияния» появилось где-то за сто лет до Джеймса Тилли Мэтьюза в самом начале xviii века. В частности, якобы именно так был назван электрический генератор, созданный в 1705 году Френсисом Хоксби – британским физиком, учеником, ассистентом в лаборатории Исаака Ньютона. Вполне возможно. Так или ина-

---

⁴ Подробнее в: Мазин В. А. Паранойя: Шребер – Фрейд – Лакан. СПб.: Скифия-Принт, 2009.

че, а *машина влияния* конструируется с наступлением режима Современности. Машина Джеймса Тилли Мэтьюза

первое явление нового мифа современной эпохи (*modern age*). Машина, которая контролирует разум, возникла в темном углу психиатрии, чтобы заморозить более широкую культуру, ее образ отныне бесконечно усилен и переработан массмедиа и голливудской машиной снов⁵.

Машина Мэтьюза современна промышленной революции. Пришло время машин. Машина влияния современна самим понятиям «человек», «человеческий субъект», «индивидуум», «капитализм», «индустриализация», «промышленная революция». Машина современна Просвещению. Она современна дисциплинарно-бюрократическому режиму. Она современна понятию *человек-машина*, учрежденному Декартом, Вокансоном, Ламетри. Она современна понятию собирания, производства, *центрации субъекта*, осуществленной во многом благодаря усилиям Декарта и Брунеллески⁶. Будто невозможно было обратиться субъекту без машины влияния. Будто человек возникает вместе с автоматом. Будто субъект должен был дожидаться машины, чтобы

---

⁵ Jay M. James Tilly Matthews and the air loom // Air Loom. Herausgegeben von Thomas Roske, Bettina Brand-Claussen. Heidelberg: Sammlung Prinzhorn, 2006. P. 61, 63.

⁶ О линейной перспективе Брунеллески как новом взгляда на мир см. Киттлер Ф. Оптические медиа / пер. с нем. О. Никифорова, Б. Скуратова. М.: Логос/Гнозис, 2009. С. 54–60.

осознать себя в качестве такового. И машина предстала вывернутым наизнанку субъектом, его проекцией, продолжением, протезом. И бессознательное стало машинным. Оно – не театр, а фабрика. Так будут утверждать Гваттари и Делез.

Книга о человеке-машине пишется самыми разными авторами, и пишется она

одновременно в двух регистрах: анатомо-метафорическом – первые страницы были написаны Декартом, последующие медиками и философами; и технико-политическом, образованном совокупностью военных, школьных и больничных уставов, а также эмпирических и рассчитанных процедур контроля над действиями тела или их исправления. Это совершенно разные регистры, поскольку речь в них идет, с одной стороны, о подчинении и использовании, с другой – о функционировании и объяснении: теле полезном и понимаемом. И все-таки у них есть точки пересечения. «Человек-машина» Ламетри – одновременно материалистическая редукция души и общая теория муштры, где в центре правит понятие «послушности», добавляющее к телу анализируемому тело манипулируемое. Послушное тело можно подчинить, использовать, преобразовать и усовершенствовать⁷.

Одной из зон активной разработки машины влияния стал

---

⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать / пер. В. Наумова. М.: ad Marginem, 1999. С. 198–199.

психиатрический дискурс, причем и в том смысле, что так называемые психически больные в рамках этого дискурса стали конструировать свои машины, и в смысле борьбы за власть: «Психиатры начала XIX века так и говорили, что безумец – это тот, кто забрал себе в голову идею власти»⁸. В борьбе за власть доктора и пациенты отождествляются друг с другом, имитируют и восполняют друг друга. Ярким свидетельством тому становятся отношения Даниэля Пауля Шребера и Пауля Флексига. Они – а с ними заодно и отец Шребера – принадлежат одной идеологической (властной) парадигме: неврологически-органицистской. Психиатрия сама, будучи машиной влияния, проводит властную идеологию. Как ни странно, но сквозь всю историю Современности и по сей день это идеология органицизма. Принципиально важно при этом, что прогресс научной медицины в XIX веке предписывал вытеснение такого тесно связанного с оккультизмом и религией понятия, как *душа*. Лакан по такому случаю делает язвительный комментарий:

Я не мог начать раньше, учитывая медицинскую публику, с которой я имел дело, – публика, для которой все это куда более внове, чем для других, внове как раз потому, что они *медики и занимаются телом, притом что о теле-то они как раз ничего и не знают: врач знает о теле куда меньше массажиста*

---

⁸ Фуко М. Психиатрическая власть / пер. А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2007. С. 43.

и приходит в восторг, когда с ним заговаривают о душе. Когда ему говорят, что причины болезни надо искать в душе, в отношениях между больным и врачом, он восторгается: нашлось, наконец, что-то такое, что дает его существованию какое-то оправдание. Беда в том, однако, что дело оборачивается для него еще хуже, чем прежде. Все это прекрасно мирится с расхожими религиозными воззрениями – ведь нет на самом деле ничего более органицистского, ничего более склонного к соматическим объяснениям, к решению телесных проблем при помощи механических приспособлений, нежели католическая церковь. К сожалению, с развитием современной биологии ясно становится, что дело обстоит гораздо сложнее, чем медицинская традиция это в общем себе представляет. Поэтому когда им объясняют, что душа, к примеру, – это отношения между доктором и больным, они самодовольно успокаиваются⁹.

Медицина представляет собой сочетание знания и власти, причем, что принципиально важно и особенно ярко в случае Хаслама – Мэтьюза, «функционирует как власть задолго до того, как она начнет функционировать как знание»¹⁰. Психиатрия служит Фуко одним из образцов функционирования дисциплинарной власти, той самой, кульминация которой описана в «Паноптикуме» (1791) Иеремии Бентама. Ле-

---

⁹ Лакан Ж. Токийская речь // Лакан в Японии / под ред. В. Мазина и А. Юран. СПб.: Алетейя, 2012. С. 24.

¹⁰ Фуко М. Психиатрическая власть. С. 16.

гитимация психиатрической власти устанавливается в связи с законом 30 июня 1838 года, который был подготовлен Эскиролем и его учениками. Согласно этому закону, без медицинского, психиатрического свидетельства ни один больной не может быть лишен свободы. В Англии подобный закон был обнародован в 1845 году. Закон этот по сути дела отвечает на вопрос, который на рубеже веков ставит Даниэль Пауль Шребер: «При каких условиях человека можно счесть душевно больным и поместить в психиатрическую больницу против его воли?» Итак, ответ на вопрос, заданный Шребером в 1900 году, Эскироль дал в 1838 году: человека можно счесть душевно больным и поместить в психиатрическую больницу против его воли на основании медицинского свидетельства, воли врача, психиатрической воли к власти.

Дисциплинарная власть «подразумевает процедуру непрерывного контроля. В дисциплинарной системе вы находитесь не во временном распоряжении кого-то, но под чьим-то постоянным взглядом или, во всяком случае, в ситуации наблюдения за вами»¹¹. Этот аспект дисциплинарной власти Фуко называет «паноптизмом» – устройением пространства, которое позволяет видеть всех везде и всегда. Парадокс в том, что, по логике Фуко, именно дисциплинарная власть, которая всегда готова к превентивным мерам, к вмешательству до совершения преступного, асоциального, безумного поступка, прорисовывает «абрис души – души,

---

¹¹ Там же. С. 65.

резко отличающейся от той, чье определение можно найти в христианских теории и практике»¹². Одним из оптических эффектов дисциплинарной власти оказывается индивидуация в смысле локализации индивида в пространстве. Индивид конструируется как наблюдаемый, познаваемый, изучаемый. В радикальной форме мы сталкиваемся с фантазией Иеремии Бентама в кинофильме Питера Уира «Шоу Трумана». Бентам «говорил: представьте себе, что сразу после рождения, прежде чем дети начнут говорить и осознавать что бы то ни было, мы берем их и помещаем в Паноптикум»¹³. Именно так и происходит в фильме, снятом во времена господства *общества спектакля*. Существенной частью тотального паноптикума познания оказывается психиатрическая практика.

Именно во времена Мэтьюза – Хаслама оформляется психиатрический канон: «В первой четверти XIX века формируется, можно сказать, краткая энциклопедия канонических исцелений, в которую входят случаи, публикуемые Хасламом, Пинелем, Эскиролем, Фодере, Жорже, Гисленом. Эта

---

¹² Там же. С. 70.

¹³ Фуко М. Психиатрическая власть. С. 98. Важно отметить, что в 2014 году, согласно психиатрам, появился бред Шоу Трумана. См. Gold J. Suspicious Minds. N.Y.: Free Press. Авторы утверждают, что на смену Наполеонам в психиатрической больнице пришли люди, заявляющие: «Шоу Трумана» – фильм про них. Они чувствуют, как за ними следят тысячи глаз. Более того, невидимая техника теперь сканирует мозг, ДНК и контролирует всю жизнь. Разве не отмечен здесь один из принципиальных аспектов третьей машины влияния?

энциклопедия включает полсотни случаев, которые фигурируют, циркулируют затем во всех психиатрических трактатах этой эпохи»¹⁴. Благодаря Эскиролю во французских психиатрических больницах, а затем и в других странах Европы начал формироваться психиатрический архив: психиатры стали писать истории болезней. Болезни начали записываться.

---

¹⁴ Там же. С. 45. Что касается Хаслама, то, пожалуй, Фуко напрасно его включил в этот список. Действительно, его случай – как раз тот самый, о котором идет речь в этой книге, – знаменит в истории психиатрии и, возможно, вообще уникален для своего времени, поскольку только ему одному и посвящена целая книга Хаслама, но вот ни о каком исцелении в ней даже близко, как мы увидим в дальнейшем, не говорится.

2. Субъект – машина письма, и системы записи его реорганизуют

Дисциплинарная машина связана с письменностью. Об этом ярко свидетельствует устройство машины влияния Джеймса Тилли Мэтьюза, которая представляет собой в первую очередь крышку гигантского письменного стола. К тому же один из обслуживающих эту машину агентов, Джек Школьный Учитель, только и делает, что все протоколирует, все записывает. Бюрократическая машина приведена в действие, и ее уже не остановить. XVIII век, век Просвещения, уже набрал полный ход. Дисциплинарной машине без письма никуда:

Чтобы дисциплине всегда быть под контролем, этой непрерывной и всеобъемлющей опекой тела индивида, она, как мне кажется, обязательно должна пользоваться орудием письменности. Иначе говоря, если отношение господства подразумевает актуализацию маркировки, то дисциплине с ее требованием полной видимости и построением генетических нитей – этого присущего ей иерархического континуума – необходимо письмо. Прежде всего, чтобы вести запись, регистрацию всего происходящего, всего, что делает индивид, всего, что он говорит, но также и чтобы передавать информацию снизу вверх, по всей иерархической лестнице и, наконец, чтобы всегда иметь доступ к этой информации

и тем самым соблюдать принцип всевидения, который, по-моему, является вторым основным признаком дисциплины¹⁵.

Фуко показывает, как письмо постепенно захватывает тела, поступки, речи, жесты, кодируя и перемещая индивидов по таксономическим таблицам. Общество дисциплины подразумевает, что видимость тела и постоянство письма неразрывны. В самом широком смысле слова мы имеем дело с машиной влияния, которая прописывает субъект извне и изнутри, прочерчивает его границы.

Уместно будет напомнить, что для Фрейда психика – машина письма. Возникновение этой машины знаменует установление фундаментального протеза культуры. Фрейд не только работу психики рассматривает как сверхдетерминированный аппарат множественной и нелокализуемой регистрации следов памяти, но говорит к тому же о постоянной экстерниоризации систем записи, в частности о фотографии и граммофонной пластинке.

В главе 9 своих «Мемуаров» Даниэль Пауль Шребер вводит понятие «системы записи» (*Aufschreibesystem*), а Фридрих Киттлер вслед за ним выделяет в истории три «системы записи», три различные машины архивации. Первая, *Aufschreibesystem 1800*, подразумевает главным образом революцию Гуттенберга, произошедшую в середине

---

¹⁵ Фуко М. Психиатрическая власть. С. 66.

XV века, и распространение книгопечатания в дальнейшем. Джеймс Тилли Мэтьюз – субъект этой системы. Вторая, *Aufschreibesystem 1900*, как раз отмечает появление множества новых различных систем регистрации: печатной машинки, граммофонной пластинки, фотографической пластинки, кинематографа, а затем радио и телевидения. Этой системе принадлежит Наталия А. Вопрос о цифровой системе письма, *Aufschreibesystem 2000*, до последней главы мы оставляем открытым, хотя понятно, что речь идет о компьютерах и превращении субъекта в базу данных.

3. Современность: машины и автоматы

Мы начинаем отсчет Современности с индустриализации, с прихода царства машин. Наиболее активно этот процесс разворачивается в Англии, и нет ничего удивительного, что именно здесь появляется Джеймс Тилли Мэтьюз. Неудивительно, что здесь свой анализ капитализма осуществляет Карл Маркс. Отныне знание постепенно переходит к машинам. Машины будут знать, как делать машины. Человек поступательно переживает процесс пролетаризации, который достигнет новых вершин в эпоху смарт-техники. Субъект отчуждается не только от объекта производства, но и от знания объекта влияния.

Человек строит машины. Машины строят человека. Человек с приходом века машин не просто остается техносуществом, но превращается в механизированную марионетку, автомат. Машины не просто влияют на него как нечто отдельное, внешнее – нет, они прописывают субъект изнутри. Так было с машиной Джеймса Тилли Мэтьюза. Так было с чудо-машинами Даниэля Пауля Шребера. Так было с машиной Наталии А.

Автоматическое измерение бытия Современности в определенном момент приводит к синдрому Кандинского-Кле-рамбо, относящемуся по времени к машине влияния На-

талии А. Однако автоматом был уже и Джеймс Тилли Мэтьюз. Он – «первый недочеловеческий автомат (*subhuman automaton*) нового машинного века»¹⁶. Автомат принадлежит Современности, *ее* жуткому измерению. Это измерение описывает в «Песочном человеке» Эрнст Теодор Амадей Гофман, и его описание становится парадигматическим для психоаналитической эстетики жуткого.

---

¹⁶ Jay M. *The Air Loom Gang*. L., N.Y.: Bantam Books, 2003. P. 239.

4. Машина влияния устанавливает контроль

Одно из принципиальных понятий, возникающих при описании той или иной машины влияния, – конечно, *контроль*. Машина эта создана и нацелена на контроль над мыслями, телесными действиями, чувствами человека. Понятие «контроль», которое дальше будет фигурировать в связи с сегодняшним обществом, с тем, которое пришло на смену обществу дисциплинарному, является сквозным для всех фаз современности и описано в действии каждой машины влияния. Контроль ретроспективно вписан в различные фазы Современности. В психиатрическом ключе, даже если контроль действует задним числом, понятие это служит одним из принципиальных в том, что принято называть сегодня паранойяльной шизофренией, в том, что в начале XXI века стало носить в силу революционной трансформации дискурса, прописывающего техносубъекта, еще более откровенный характер. И в этом отношении и Джеймс Тилли Мэтьюз, и Даниэль Пауль Шребер, и Наталия А. – провозвестники дискурсивной конструкции сегодняшнего мира.

Одним из следствий развития коммуникационных технологий в начале XXI века стали повсеместные – то есть в первую очередь в рамках самих этих технологий – разговоры о влиянии, специальных устройствах контроля, приборах,

воздействующих на мысли, чувства, физическое состояние человека. Зачастую, стоит только человеку намекнуть, что за ним следят, что его прослушивают, как у него готов развернуться бред преследования. Зачастую для запуска процесса бредообразования достаточно таблички «Ведется видеонаблюдение» на входе в магазин или учреждение. Достаточно бывает и знания о том, что по мобильному телефону можно следить за всеми перемещениями его так называемого владельца. Достаточно бывает просто включить телевизор. Все это, конечно, не значит, что люди превращаются в параноиков от слов Эдварда Сноудена. Не значит это и того, что, глядя на камеры наблюдения в офисах и магазинах, на улицах и в метро, сегодняшнюю культуру следует называть паранойяльной. Скорее, всё это может означать обострение условий для развязывания паранойи. Для того чтобы начал развязываться бред еще, как минимум, необходимо отсутствие, как сказал бы Лакан, организующих символическую Вселенную Имен-Отца.

В условиях гипериндустриальной фазы капитализма дисциплинарное общество превращается в общество контроля. Разумеется, речь идет о смене парадигмы, а не о плавном переходе. Об этой смене в конце века двадцатого заговорил Жиль Делез. Пространства изоляции дисциплинарного общества – тюрьмы, больницы, заводы, школы, семьи – оказались, по его словам, в кризисе, и на смену им пришло общество контроля, общество, которое действует «через постоян-

ный контроль и мгновенную коммуникацию»¹⁷. В отличие от дисциплинарного общества, обладающего четкой принадлежностью к сегментированному пространству откровенной сегрегации, общество контроля имитирует свободу открытых пространств, прозрачных границ, безграничных экранных интерфейсов. Само понятие «контроль» Делез заимствует у Берроуза и называет его, это понятие, монстром.

Контроль – вот слово, которым Берроуз предлагает назвать нового монстра, а Фуко признает за ним наше ближайшее будущее. Поль Вирильо постоянно анализирует ультраскоростные формы контроля в открытом пространстве, которые заменили собой старые дисциплинарные методы, действующие всегда в рамках закрытой системы¹⁸.

Делез не только называет контроль монстром, но и сравнивает его со змеей, в отличие от монетарного крота дисциплинарного общества. Стоит отметить, что монстр, в отличие от крота, не идентифицируем. Он потому и монстр, что не вписывается в рамки никаких классификаций. Он – монстр неопозитивизма.

Берроуз постоянно говорит о машине контроля и связывает ее работу с машиной диктата, инструментом которой

---

¹⁷ Делез Ж. Переговоры. СПб.: Наука, 2004. С. 223. «По отношению к будущим формам контроля в открытой среде самые жесткие формы изоляции, возможно, покажутся нам принадлежащими восхитительному и доброжелательному прошлому» (там же).

¹⁸ Там же. С. 227.

«служит всеобщая грамотность и сопутствующий контроль слова и образа»¹⁹. К этому стоит добавить, что грамматизация сегодня скорее становится навыком обслуживания приборов, соединенных в интегральную цифровую вселенную. Причем принципы работы как отдельного портала системы, так и тем более «всей» системы, *Big Data*, оказываются вне возможного знания. Таков один из путей, на которых знание оказывается на стороне машин влияния. Машина, будь то смартфон или навигатор, знает. Грамматизация в первую очередь касается машин, а обратной стороной оказывается пролетаризация того, кто называет себя пользователем.

Отсутствие внешних границ принуждения – основа общества контроля. Важно, что контролю сопутствует идея выбора. Если дисциплинарное общество устанавливало физические границы и ограничивало возможности, то сего дня выбор как будто бы безграничен²⁰. Получается так, будто снятие дисциплинарных границ предполагает их бессознательное установление самим субъектом выбора. Выбор же делается отнюдь не самим субъектом. Иначе говоря, субъект подтверждает задним числом правильность бессознательно-

---

¹⁹ Одье Д. Интервью с Уильямом Берроузом. М.: Астрель, 2010. С. 139. И дальше: «Ключевой момент машины диктата на Западе – стремление сделать язык максимально безобразным, отделить слова от объектов и наблюдаемых процессов» (там же). Отметим и то, что начинается весь пассаж с мысли о том, что Америка – не кошмарный сон, а страна, лишенная сна, того, что, будучи спонтанным событием, «не поддается диктату» (там же).

²⁰ См.: Салецл Р. Тирания выбора. М.: Дело, 2014.

го выбора, сделанного одной из машин влияния.

Если в центре индустриального общества находился завод, то в центре общества контроля – корпорация. Корпорация – «это душа, это глаз»²¹. Корпорация – душа общества контроля, а душой самой корпорации, то есть душой в душе оказывается маркетинг²². Он-то и служит главным инструментом социального контроля. Отцом маркетинга, как известно, стал племянник Зигмунда Фрейда Эдвард Бернейс. Именно он оказался ключевой фигурой смены курса с производства на потребление, именно он развернул либидо-экономику.

Либидинальная экономика, основанная на маркетинге, производит то, что Бернар Стиглер называет по аналогии с биовластью Фуко психовластью. Если государственная биовласть связана с капитализмом *производства*, то психовласть – с рынком *потребления*. Радикальное смещение от биовласти к психовласти происходит после Второй мировой войны, а еще точнее – после революции 1968 года. В обществе контроля «психовласть гарантирует контроль над поведением, ибо наука полиции и государства уступила свое место и свою власть менеджменту и маркетингу»²³.

---

²¹ Делез Ж. Переговоры. С. 228. «Нас учат, что у корпораций есть душа, и это является самой страшной мировой новостью» (там же, с. 231).

²² Там же. С. 231.

²³ Stiegler B. Prendre soin, de la jeunesse et des générations. Paris: Flammarion, 2008. P. 235.

Психовласть рынка «контролирует индивидуальное и коллективное поведение потребителей, канализируя их либидинальную энергию к товарам»²⁴. Понятно, что субъект желающий, мыслящий и говорящий бесполезен для маркетинга. Понятно, что *нормальным* для рынка оказывается адаптированное к нему «поведение потребителей». Первым шагом в сторону такой нормализации оказывается *переход от желания к влечению*. Вторым шагом, пожалуй, становится подмена самого психоаналитического понятия «влечение» биологическим «инстинктом». Новый капиталистический рынок товаров замещается животноводческой фермой по производству индивидов, наделенных базовым инстинктом потребления. Причем к потреблению относятся не только товары и услуги, но хуже того – информация (в отличие от знания), да и сам индивид потребления. Такова новая либидо-машинерия. Ко всем этим вопросам мы еще вернемся более подробно в конце книги.

Каждому обществу соответствуют свои машины:

простые или динамичные машины соответствуют обществам суверенитета, энергетические машины – дисциплинарным обществам, кибернетические машины и компьютеры – обществам контроля²⁵.

---

²⁴ Stiegler B. Pharmacology of Desire: Drive-Based Capitalism and Libidinal Dis-economy // Loaded Subjects. Psychoanalysis, money and the global financial crisis / edited by David Bennett. L.: Lawrence & Wishart, 2012. P. 232.

²⁵ Делез Ж. Переговоры. С. 223.

Общество контроля основано на компьютере, цифре, шифре. Шифр – пароль, приходящий на смену лозунгу дисциплинарного общества. Шифр – пароль, «который допускает вас к информации или отказывает в доступе»²⁶. Доступ – отметка, отчет о потреблении. Доступ оставляет метку о доступе. Метка оставлена у банкомата, в кассе супермаркета, в спортзале, в ночном клубе. Везде, где есть телефон, компьютер, везде, где в действии кредитная карта, стоит метка отчета. Метки отчета задают траектории контроля, реконфигурации и эксплуатации *Big Data*. Помимо этого, конечно же, в социальных сетях субъект с наслаждением оставляет куда больше следов для этой траектории. Субъект? Да, только отныне он, если это еще он, – база данных на рынке.

Контроль – не пассивная форма констатации того, что есть, а форма влияния. В глобальном смысле капиталистическая экономика – аппарат влияния. Идеологические аппараты государства уступают место расчетливым аппаратам рынка. На рынке в первую очередь действует аппарат захвата внимания, аппарат его преобразования в прибавочный капитал и прибавочное наслаждение.

---

²⁶ Там же. С. 230.

5. Две образцовые машины влияния

Две машины влияния, о которых пойдет речь в этой книге, принадлежат дисциплинарному обществу, но они, будучи телетехнологиями контроля, это общество разбирают на перегородки. Больничная постель Наталии А. подключена незримыми проводами к аппарату влияния, находящемуся на расстоянии, за пределами клиники. Кровать настолько же принадлежит дисциплинарному месту, больнице, насколько оказывается выходом за больничные стены, проходом к контролю издалека, к власти посредством современной технологии.

Машины влияния, о которых здесь подробно пойдет речь, относятся к началу XIX века и началу XX века. В XVIII веке машина влияния приходит на смену демону влияния. Производство машин влияния непосредственно связано с промышленными революциями. Бессознательное оказывается машинным, как говорит Гваттари, подчеркивая, что речь при этом идет о самых разных машинах, в нашем случае, – о политической, научной, бюрократической, технической. По словам Тауска, пациенты пытаются вскрыть устройство машины с помощью известных им научно-технических данных, которых всегда уже не хватает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.